

«Живой голос войны»

ОЛЕНЕТРАНСПОРТНЫЕ БАТАЛЬОНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЗАПОЛЯРЬЕ

Открываю книгу Евгения Халдея «От Мурманска до Берлина». Перелистываю страницы. Вот на корабле отряд морских пехотинцев Северного Флота, очевидно, этот снимок сделан перед высадкой десанта на п-ове Рыбачий или Средний. Следующий кадр – еще одна славная страница войны в Заполярье – сражение на море. На следующей странице с удивлением вижу фотографию оленя. И дальше снова – разведчики в маскхалатах. Артиллеристы... Возвращаюсь к фотографии с оленем. Случайно она здесь, среди героев различных родов войск? Понимаю, что нет. И хочется узнать, а за что такая честь нашему северному оленю. Почему среди ста мгновений войны Евгений Халдей запечатлел и это, и поместил его в свой военный фотодневник?

В книге Алексея Киселева «Война в Заполярье» об использовании оленей на войне всего два абзаца. Читаю скупые строки: « В первую военную зиму во всех дивизиях 14-й армии стали организовываться оленетранспортные подразделения. В них служили саамы, ненцы и коми. Оленей часто использовали не только для отправки раненых и доставки военных грузов, но и при заброске разведчиков в тыл врага, для вывоза подбитых самолетов и их экипажей и для поддержки связи с пограничниками и постами ВНОС. Оленеводы спасли жизнь многим солдатам и командирам 14-й армии и Северного флота. За годы войны вывезли с передовой более 10 000 человек, доставили на фронт по бездорожью 17 000 тонн боеприпасов и военных грузов, эвакуировали из тундры более 160-ти вынужденно севших и подбитых самолетов, кроме того, переправили для выполнения боевых заданий около 8 000 военнослужащих и партизан, многих – в дальние тылы врага». [17]. И больше ни строчки.

В голове появляется множество вопросов. Кому и как пришла идея использовать оленей на войне? Были ли подобные случаи их использования в других войнах? В каких операциях приняли участие? Что стоит за всеми этими официальными данными? И самое главное, кто они – эти герои-олeneводы?

Стало понятно, что необходимы свидетельства очевидцев, непосредственных участников событий.

В основу моей работы легли воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны в Заполярье, опубликованные в газетах «Полярная правда», «Мурманский вестник», «Часовой Севера», «Северный рабочий», «На страже Заполярья», «Пограничник», «Ловозерская правда», журналах «Наука и жизнь», «Звезда», «Человек и Север», письма и дневники ветеранов 31 ОЛБ.

Ценность своей работы, я вижу, прежде всего, в сохранении исторической памяти. Это благодарность людям, подвиг которых, на мой взгляд, и в годы войны, и в наши дни не был оценен по достоинству.

1. ФОРМИРОВАНИЕ ОЛЕНЕТРАНСПОРТНЫХ БАТАЛЬОНОВ

Тундра... Болота. Голая, покрытая скалами земля. Долгая зима с длительными бурями и метелями. Армия в таких условиях испытывала значительные трудности в снабжении. Обильные снегопады, надвое - трое суток, могут задержать автомобильный и гужевой транспорт, который с нетерпением ждут солдаты на передовой, раненые в эвакогоспиталях, артиллеристы на огневых позициях.

В годы Великой Отечественной войны в обороне Советского Заполярья принимали участие уникальные подразделения, уникальные не только для Красной Армии, но и для армий других стран. В военных билетах наших бойцов появилась запись «ездовой оленевод». Речь идет об оленетранспортных дивизионах.

Сведения о том, как было принято решение о создании этих формирований, противоречивы.

Версия № 1: решение принято Военным Советом 14-й армии по инициативе ее командующего генерал-лейтенанта В.А. Фролова (приложение № 2) в ноябре 1941 года. Уроженец Мурманской области, он решил помочь родной стране своей оригинальной и небезалапанной идеей и высказал ее еще в 1939 году. По его мнению, армейская оленья дивизия должна была состоять из тысячи оленей, 15 оленегонных собак, 200 грузовых и 70 легковых нарт. Солдаты-возницы на каждой грузовой нарте должны были перевозить до 10 тысяч автоматных или 5 тысяч винтовочных патронов, 150 ручных гранат или 40 снарядов для легкой пушки. Кроме того, перед оленьим транспортом ставилась задача доставлять в медсанбаты с поля боя раненых. Эта версия опубликована на web-сайте Ямало-Ненецкого краеведческого музея.

Версия № 2: Киселев А.А, Киселева Т.А. В книге «Советские саамы: история, экономика, культура». Мурманск, 1979. С. 95 – упоминают об инициативе Мурманского обкома ВКП (б), который в ноябре 1941 принял решение о формировании на Кольском полуострове оленьих транспортных подразделений. И три армейских оленетранспортных дивизиона первоначально были созданы из коренных жителей Кольского полуострова. Однако найти документальное подтверждение этой информации не удалось. В работе Киселевых нет ссылки на источник информации, а в сборнике материалов и документов: Мурманская область в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945. Мурманск, 1978 год это постановление не упоминается.

Версия № 3: озвучена на web-сайте ИА КомиИнформ от 4 августа 2004 года. В ней в частности говорится: «22 ноября 1941 года военсовет Архангельского военного округа отдал приказ, о призыве кадров и поставке оленей... Сформированные там воинские части получили название оленетранспортных эшелонов».

Версия № 4: «Вопрос о формировании специальных оленьих отрядов и оленно-лыжных батальонов решался Верховным главнокомандованием» - Воскобойников М. В атаку идут северяне //Звезда, 1975, № 4. С. 105. На мой взгляд, из всех предложенных версий эта вызывает наибольшие сомнения.

Так или иначе, поскольку Север защищали по большей части сами северяне, идея, видимо, витала в воздухе. Хотя я больше склоняюсь в пользу первой версии. Основанием для этого служит следующий факт: впервые, в Красной Армии, олений транспорт показал свою жизнеспособность еще во время войны с белофиннами. В 1939 – 1940 годах ловозерский колхоз «Тундра» передал фронту 210 упряжек с 662 оленями. [1] Тогда-то и были разработаны основные положения применения оленей в войсках. Обоснована целесообразность его использования в условиях Заполярья.

Выгоды оленьей упряжки были неоспоримы: на санях легко по бездорожью проникнуть в тыл врага. Северный олень неприхотлив к пище, не требует специального ухода. Олень сам добывает себе корм. И в тундре, и в лесу он всегда найдет себе пропитание – серебристый ягель. Кормом для него служат трава, листья, которых много под ногами. Олень никогда не нарушит тишины – даже раненый, он не издает ни звука. И, что немаловажно, ни одно крупное упряжное животное не сможет пробежать по снежной целине десятки километров за сутки. Олень очень вынослив. Форсированным маршем олени способны преодолеть до 80 км в сутки.

Правда, организовать и опробовать все задуманное до начала войны так и не успели. Пришлось спешно собирать оленьи подразделения, когда уже шли бои. В частях искали людей, знакомых с оленеводством. В ноябре 1941 года для 14-й армии Карельского

фронта, действовавшей на Мурманском направлении, оленеводы сформировали первые три транспорта, состоявшие целиком из оленьих упряжек. Каждый из таких транспортов обслуживали 154 человека, в том числе 77 солдат-олeneводоv, 15 оленегонных собак, 76 легких нарт, 270 грузовых нарт. В последующее время было создано еще четыре транспорта. Деятельное участие в создании этих необычных формирований принимал начальник ветеринарного отдела 14-й армии полковник Дмитрий Николаевич Тульчинский. Он определил оптимальные размеры оленьих транспортов, цели и, основные, боевые задачи. [1]. В оперативном отношении олени подразделения подчинялись командирам соединений и частей, которым они придавались на время той или иной операции.

В первое время животных поставляли только колхозы Ловозерского района «Гундра» и «Доброволец», затем к ним присоединились «Красная тундра», «Вперед», «Краснощелье». Всего за годы войны оленеводы - ловозерцы передали армии и флоту 5900 транспортных оленей, 1600 комплектов упряжи к ним, 1119 нарт. Воспоминания ветеранов позволили расширить географию мест Кольского полуострова, откуда на фронт вместе с оленеводами пришел олень. Варзино, Сосновка, Иоканьга, Лумбовка, Каневка, Поной, Краснощелье.

Дневники и воспоминания бывших бойцов олене-лыжных батальонов и транспортных бригад позволяют воссоздать картину, как формировались и двигались по тундре и лесам олени эшелоны.

В первые дни войны, в армию мобилизовали более 120 саамов Ловозерского района. Первоначально оленеводов призывали в действующую армию на общих основаниях, но вскоре для них нашлось более привычное занятие. Повестки из военкоматов предписывали призывникам-саамам являться к месту сбора с оленями. Ветеран войны В. Канев вспоминает: «На нартах своим ходом. По свежему снегу (было это в ноябре) добирались несколько дней до станции Пулозеро. Там нас, наших животных погрузили в товарные вагоны, повезли в сторону Мурманска. Здесь баржами переправили через залив. Снова запрягли оленей и двинулись к фронту. Остановились в 20 километрах от передовой. Так я стал бойцом второго оленетранспортного отряда». [10]. Участник оленетранспортных батальонов К. Чупров вспоминает: «В октябре 1941 года из Варзино, Йоканьги, Лумбовки, Поной, Сосновки и других сел ехали оленеводы в Каневку, где группировались все призванные в армию. 21 октября двумя группами поехали в сторону Ловозера, куда добрались 5 ноября. Дальше двигаться стало гораздо легче. Буквально за одну ночь добрались по шоссейной дороге до станции Пулозеро, совершив 90 км бросок. Здесь каждому оленю спилили рога. До Мурманска оленей везли в вагонах, а там грузили в трюм

самоходной баржи. Ночью перевезли на мыс Мишукова». Часть оленей направлялась на правый фланг фронта, другая часть на левый фланг, к Мурманшам, а далее вверх по Туломе.

Обнаружив, что положенного количества оленей в Мурманской области не хватает, 20 ноября 1941 года Государственный Комитет Обороны постановил: «Призвать из народного хозяйства Архангельской области, Коми АССР, Ямало-Ненецкого автономного округа: каюров – 1400 человек, оленей 10000 голов, нарт – 500 штук. Направить призываемых в распоряжение Архангельского облвоенкомата, со сроком прибытия не позднее 1 января 1942 года. Обеспечить продовольствием и фуражом на путь следования. Каюров направить в исправной одежде и обуви». Но, несмотря на то, что подобные приказы в суровое военное время исполнялись неукоснительно, это не был исполнен в срок.

Колхозы и совхозы Ямала выделили по разнарядке около шести тысяч ездовых оленей. Из них были сформированы четыре команды-эшелона, в каждой из которых было около 1500 оленей, по три чума, необходимое количество грузовых и легковых нарт, по 20 оленеводов и около 60 мобилизованных. Был разработан маршрут следования и даже установлена скорость движения – 50 км в сутки. Но гладко все было лишь на бумаге.

О том, как оленеводы, охотники, рыбаки Ненецкого национального округа вместе с тысячными стадами оленей попали на наш Карельский фронт, как воевала там «оленья кавалерия», рассказал Александр Тунгусов: «Осенью Ненецкий окружной военкомат получил важное оборонное задание - в самые короткие сроки доставить в Архангельск для дальнейшей отправки по железной дороге на Мурманск семь тысяч ездовых быков-оленей вместе с мобилизованными в армию оленеводами, рыбаками, охотниками, умеющими управлять оленьей упряжкой. Первые три эшелона - по тысяче оленей в каждом с соответствующим количеством людей и транспортного инвентаря - ушли из Канино-Тиманского района на Мезень, а оттуда на Линегу, Холмогоры и Архангельск уже в самом начале декабря. Олени здесь были из Индигского совхоза, колхозов имени Ленина, «Северный полюс», «Красное знамя», имени Чкалова и других. В состав этих эшелонов влилась и группа нижнепечорцев, прибывшая к тому времени в районный центр Нижнюю Пешу. Начальниками эшелонов стали Иван Георгиевич Дитяев, Талеев, Сергей Петрович Патюков. Поскольку эти три эшелона шли из округа первыми, и маршрут их движения был намного короче, они оказались на месте назначения в короткие сроки. Сложнее обстояло дело с комплектованием и продвижением четвертого эшелона, начальником которого был Борис Вениаминович Преображенский, а комиссаром - партийный работник Андрей Сергеевич Юсов. Им предстояло, согласно приказу, в течение месяца принять от оленеводческих хозяйств Большеземельской и Малоземельской тундр и перегнать в Архангельск 4 тысячи транспортных быков с необходимым количеством упряжи, грузовых и

легковых саней-нарт. Одновременно доставить на них к железной дороге команды мобилизованных рыбаков, охотников, оленеводов в количестве 300 человек, часть из которых, знакомая с оленеводством, будет служить в олене-лыжных батальонах и оленьих транспортах. Так 17 декабря в распоряжение приморского райвоенкомата ушла группа мобилизованных в количестве 72 человека (старший команды - С.О. Распутин), в январе сорок второго года - от четвертого же эшелона - была направлена на Архангельск группа в 22 человека, 30 января от почтовой станции Келино пешком ушла туда же от 5-го эшелона группа во главе с Н.Н. Змываловым (31 человек). В связи с сильным запаздыванием одной из команд, вызванным сильным истощением оленей в пути, и плохим обеспечением транспортным инвентарем и упряжью, в Нижней Пеше эшелон № 4, по приказу окружного военкома от 30 декабря, был разделен на две партии. В дальнейшем продвижении того и другого эшелона от села Нижняя Пеша на Архангельск снова встретились непредвиденные затруднения. Прежде всего, областной военкомат изменил маршрут следования, который пролегал ранее через Линегу и Холмогоры. Как выяснилось, с кормами по линежскому тракту было плохо. Теперь следовало двигаться с Мезени по более короткой дороге: через Сояну, то есть по незнакомой лесистой местности. Снова попадали места, бедные кормом. Так или иначе, все эти трудности, вызванные недостатками и упущениями в комплектовании эшелонов и его маршрутом, оперативно преодолевались, и воинские команды продвигались вперед». Масштабы этого продвижения грандиозны. С 72-го меридиана на 33-й, с 64-й параллели на 69-ую параллель. А что стоит за этими тысячами километров? Какое напряжение человеческих сил!

Ноябрь и декабрь – самое суровое время в тундре. Полярная ночь, крепкие морозы, пронизывающие метели, глубокие, еще не скованные настом снега, сотни тысяч километров белой пустыни без населенных пунктов – все это затрудняло движение. В Москве было принято решение гнать оленей «попасом», то есть своим ходом, не отрывая от кормления. Но если первому эшелону ягеля хватало, и он двигался с заданной скоростью, то оленям второй, а тем более, следующих команд, шедших след в след, приходилось подбирать жалкие ягельные остатки. Корма катастрофически не хватало, животные быстро тощали. Командированные комиссары грозили военным трибуналом за каждого потерянного оленя. Это считалось вредительством! Поэтому каюры, голодая сами, не смели пустить на мясо ослабевших животных, а бережно укладывали их на нарты (и без того перегруженные) и везли их дальше. На свой страх и риск, не взирая на проклятия, щедро сыпавшиеся от комиссаров, ненцы вторых эшелонов стали сворачивать в сторону от проторенного пути: искали и находили богатые ягелем участки тундры. Это спасало животных, но задерживало продвижение.

Как вспоминает Б.В. Преображенский: «...подъем команд и отдохавших пастухов производился в 6 часов, завтрак - с 7 часов, затем часа два занимал подгон стада к чуму и юркование быков (выбор оленей для запряжки в сани) - все это делалось еще почти в темное время. С 9-10 часов до 18-19 часов - в движении. На легковых нартах ехали мобилизованные, на грузовых-вандеях находились ящики с грузом, тюками, шестами от чумов, кухонной утварью, лари с продуктами и другим имуществом команд. Позади, шли слабые быки с пастухами». Поскольку главной заботой были олени, их сохранность, каждую сотню быков, свободных от работы в упряжке, гнал дежурный пастух с одной - двумя лайками. Во время остановок пасли оленей также по сменам. Эшелон № 4 уже в конце января сорок второго года, а эшелон № 5 в начале февраля были на подходе к Архангельску. И хотя переход занял вместо одного месяца целых два, закончился он, в общем-то, благополучно. Все ездовые быки четвертого эшелона были признаны вполне работоспособными. Областной военкомат от имени командования объявил начальнику эшелона Б.В. Преображенскому и комиссару А.С. Юсову благодарность за успешное выполнение ответственного задания. После сдачи людей, транспортных оленей и имущества в запасные полки эшелоны № 4 и № 5 перестали существовать. В книге А.А. Киселева «Советские саамы: история, экономика, культура», Мурманск, 1979, на с.96 - есть упоминание о начальнике 4-го эшелона Б.В. Преображенском. В нем автор указывает, что он был ветеринарным врачом Мурманской оленеводческой опытной станции, однако эта информация не соответствует действительности. Из фондов Ямало-Ненецкого краеведческого музея, а также из воспоминаний Александра Тунгусова следует, что Борис Вениаминович Преображенский жил и работал в Нарьян – Маре.

А в это время в окрестностях Архангельска во всю шло комплектование олене-лыжных батальонов. Тут можно было встретить добровольцев, мобилизованных и ополченцев из Архангельской и Вологодской областей, из Коми АССР. В состав батальонов были включены в качестве войсковых животных и олени вместе с сопровождающими их оленеводами из всех четырех ненецких тундр и республики Коми.

В ноябре 1941 года в формировании и переброске оленьего стада в Архангельск принимал активное участие Егор Николаевич Ледков. В то время он работал оленьим пастухом в Индигском совхозе. Егор Николаевич так вспоминает о событиях тех дней: «Сначала мы ничего не могли понять, зачем столько оленей гонят по тундре в Архангельск. Сопровождавшие нас военные говорили, что будут организовывать воинские подразделения. Мы так и не понимали – какие из оленей могут быть воинские подразделения? Среди нас были ненцы, коми, а также и русские. Некоторые русские жили с детских лет в тундре; они умели управлять оленьими упряжками. Было нас около ста человек... Присоединили нас к

батальону, и в течение месяца мы стали проходить тактическую подготовку. Несется оленья упряжка, вдруг пулеметы застрочат. Тут олени сразу в сторону бросаются или вовсе станут, как к земле приросшие. Мины через нас летали, залпы пушек послушали. Выкапывали в снегу траншеи, целиком с упряжкой в траншею входили. Смотрят вокруг – ни оленей, ни людей нет, а мы в маскировочных халатах в траншеях. Внезапно в эшелон нас погрузили. Впервые в жизни олени в вагоны пошли. Спрашиваем у начальников: «Куда везут нас?». «Воевать!» - говорят – «Фашистов бить». Везли мы в Мурманск из Архангельска около тысячи оленей-быков. Все олени уже были обученными. Не боялись выстрелов». [6].

После непродолжительной, но напряженной учебы, в частности, действиям в тылах врага, личный состав олене-лыжного батальона, а также и олени были переброшены по железной дороге в город Мурманск. Алексей Леонидович Ледков – мобилизованный в лыжный полк из Надыма – вспоминал: «На Мурманск в товарных вагонах направили. Олени у нас ослабли совсем, шатаются. Командиры придумали – одевать торбы с сеном оленям на головы – ешь, мол, не хочу! А они, родимые, сено-то не едят!!! Когда из вагонов выгружались, четвертая часть погибла уже...»

В начале марта 1942 года в 14-ю армию Карельского фронта прибыли 12 олене-лыжных батальонов и разместились в районе зверосовхоза. Три из них убыли на другие участки фронта (в распоряжение 10-й армии). Из оставшихся 9 батальонов с 6 по 11 марта были сформированы две бригады:

1-я отдельная олене-лыжная бригада (ООЛБр) под командованием майора Ленского состояла из пяти батальонов общей численностью 3485 человек;

2-я отдельная олене-лыжная бригада майора Можайко из четырех батальонов (6, 7, 8 и 10-го) численностью 2805 человек. (Приказ войскам 14-й армии № 02 от 05.03.1942).

Нужно отметить, что ездовые олени появились в боевых порядках не только на Мурманском, но и на Кандалакшском и Лоухском направлениях (из фондов ПАМО КПСС, ф.1, оп. 11, д. 332, л. 76).

До середины марта обе бригады занимались боевой подготовкой за озером Кильдинским. Не все умели быстро передвигаться с полной выкладкой (35 кг) на лыжах по горной местности. Таких бойцов обучали инструкторы по лыжной подготовке. Во 2-ой ООЛБр инструктором был мурманчанин Павел Назарович Синцов, мастер спорта и неоднократный победитель Праздников Севера.

Основным видом транспорта в бригадах были олени упряжки. Но олени были сильно истощены и к работе не пригодны. Они шли с грузом от Печоры до Мурманска 2600

километров. В пути 222 оленя пали от истощения, а 710 выбракованы на забой. Из 4532 оленей до зверосовхоза дошли лишь 3600.

Должности солдат-оленеводов были укомплектованы из местного населения: саамов, которые хорошо знали уход за оленями, умели находить для них ягель, свободно ориентировались в тундре. Оленьи транспорты обеспечивались вьючными седлами, специальным снаряжением. Общая численность оленей только в 14-й армии достигала в годы войны 5 тысяч голов. Несколько меньше – в 19-й армии.

В конце 1941 года фронт на Мурманском и Кандалакшском направлении стабилизировался. Однако линии сплошной обороны не было. Через бреши в тыл врага отправлялись разведывательные группы, партизанские отряды, войсковые подразделения. В зимнее время по глубокому снегу пройти в тыл можно было только на лыжах или на оленьих упряжках.

19 марта 1942 года обе бригады прибыли на фронт, и заняли оборону на открытом левом фланге 14-й армии на семикилометровом участке от озера Ножъявр до реки Лебяжки. В красноармейской книжке Смирнова Дмитрия Петровича об этом переходе сделана такая запись: «Поход от Мурманска до 59 км. Расстояние 65 км с 15.03.42 по 20.03.42 год». Соседом справа была 10-я гвардейская стрелковая дивизия. Слева в полосе 250 километров вплоть до Кандалакшского направления частей Красной Армии не было. 31 марта 1942 года обе бригады получили новые наименования. 1-я стала 5-й, а 2-я – 6-й. Убрали приставку «олене», и бригады стали называться просто отдельными лыжными (ОЛБр) и дислоцировались на 52 км дороги Мыс Мишукова – Титовка. (Приказ войскам 14-й армии № 0084 от 03. 1942). В красноармейской книжке Созонова Александра Николаевича (приложение № 3), есть запись, свидетельствующая о том, что с 1 апреля 1942 года он служит во вновь сформированной 6-й ОЛБр, в минометной роте. В красноармейской книжке Смирнова Дмитрия Петровича запись о начале службы в 5-й ОЛБр датирована мартом 1942 года.

Понять, какое значение оказывал олений транспорт на ведение боевых действий, можно познакомившись с пристальным вниманием немцев к работе оленьих частей и подразделений. Узнав об их создании, гитлеровское командование поставило особые задачи авиационным частям по уничтожению движущихся на формирование оленьих стад, посылало специальные отряды диверсантов для истребления транспортов. И, несмотря на все их усилия, транспорты продолжали работать.

Приказом войскам 14-й армии № 00196 от 14.09.1942 года 6-я отдельная лыжная бригада пополнившись личным составом и техникой из 5-й отдельной лыжной бригады, Заградотряда № 1 и 9-го отдельного лыжного батальона 14-й армии была

переименована в 31-ю отдельную лыжную бригаду (31 ОЛБ). В красноармейской книжке Смирнова Анатолия Ивановича расформирование 5-й отдельной лыжной бригады зафиксировано и указание о том, что дальнейшее прохождение им службы будет в 31-й отдельной лыжной бригаде. Запись датирована 25 сентября 1942 года.

Процесс формирования батальонов начавшийся в ноябре 1941 года успешно завершился к марту 1942 года. На основе 9 транспортных батальонов были сформированы 1-я и 2-я отдельные олене-лыжные бригады, переименованные в последствии в 5-ю и 6-ю отдельные лыжные бригады, на основе которых в сентябре 1942 года была создана 31-я отдельная лыжная бригада. Три других оленетранспортных батальона были переданы в распоряжение других воинских подразделений.

2. ФРОНТОВЫЕ БУДНИ 1942 – 1944 ГОДОВ

Из воспоминаний ветеранов, воевавших в оленетранспортных батальонах, лыжных бригадах и других воинских подразделениях можно определить направления деятельности оленьих транспортов на войне.

По крупицам, разрозненным фрагментам воспоминаний ветеранов, по фотодокументам, вещественным источникам удалось воссоздать картину фронтовых будней 1942 - 1944 годов.

В красноармейских книжках бойцов за тот период времени сделана только одна запись: «Участник боев на Мурманском направлении в составе 14-й армии Карельского фронта с 1942 по 1944 гг. В обороне и участник боевых выходов по тылам противника». Война принимает здесь позиционный характер и основная работа – рейды по тылам врага.

Условия жизни личного состава бригад были экстремальными. Бойцы ютились в снежных ямах, покрытых ветками и плащ-палатками. Дров не было, сырые ветки кустарника не горели. Теплового обмундирования и обуви не хватало. Продовольствие и боеприпасы подвозили с перебоями. Многие бойцы заболели. Усилился падеж оленей. До половины личного состава ежедневно направлялись на расчистку дорог в распоряжение 10-й гвардейской дивизии. Это сильно выматывало бойцов физически и морально. Были даже случаи самоубийства.

Но главное, для чего были созданы бригады, выполнялось. Был установлен режим работы оленьих транспортов. После часового режима движения делался десятиминутный перерыв для отдыха оленей, осмотра упряжки, состояния нарт и груза. Пребывание оленей в упряжке ограничивалось восьмью часами в день, а через четыре рабочих дня устраивался однодневный отдых. Е.Н. Ледков вспоминает: «Сегодня одно

делаешь, через день – совсем другое. То подвозим боеприпасы. Когда едем медленно, когда – галопом. Очень часто подвозили к передовой продовольствие. Бывали случаи, когда по десять упряжек сразу снаряжались за пополнением новобранцев из тыла. Сколько раз перебазировали полевые госпитали-временки, вывозили и раненых. Вот вспоминаю теперь, как вместе с нами неслись на оленьих упряжках русские воины. Особенно отличились Маслов и Филатов». [6].

Его рассказ дополняют воспоминания однофамильца Алексея Ледкова: «Нас всех разбросали: кого в лыжные батальоны, кого при оленях оставили. К боям приказали готовиться. Нарты, хореи, оленей маскировали: все белой тканью зашивали, белой краской красили. Маскировку оленям я сам шил. Олени, сперва, отряхивались, мешал им халат. Аргишей у нас семь было. Сначала дальнобойные снаряды к батареям возили. А в майские праздники перед батальоном пошли, командиры сказали, что фашистов мы напугать должны! Вот тогда-то нас первый раз серьезно разбомбили. Много оленей, людей погибло...». Свою первую награду медаль «За отвагу» Алексей Леонидович Ледков получил, совершенно, экзотическим способом. Он вызвался промчатся на своей упряжке перед опорным пунктом врага, чтобы, вызвав огонь на себя, обнаружить его огневые точки. Все проверив и рассчитав, он разогнал оленей и, привстав на нартах, с гортанным криком, как положено, выскочил на открытое место и пролетел перед изумленными немцами так, что «сзади только пурга прошла». Опомнились фашисты, заговорили пулеметы, но с опозданием, уже вслед...

Стрелок Первого оленьего транспортного батальона Филипп Александрович Филиппов вспоминает как отнеслись вначале к их оленьим обозам фашисты: «Решив, что это ездят туда - сюда крестьяне-оленеводы, они их просто игнорировали. И только спустя время «раскусили» суть этих челночных поездок. И тогда стало небезопасно курсировать даже в темное время». [21].

Способ перевозки был самым различным. Материальная часть артиллерии и минометов транспортировалась на нартах, специально для этого приспособленных. Например, для перевозки четырехорудийной батареи горных 77-миллиметровых орудий с 560 снарядами требовалось 315 оленей, 82 грузовых и 30 легковых нарт. Гораздо меньше оленей требовалось для перевозки батареи 45-миллиметровых орудий. В этом случае необходимо было всего 160 оленей, 40 грузовых и 8 легковых нарт. Если же 77- и 45-миллиметровые орудия требовалось переместить на близкое расстояние, его просто устанавливали на лыжи и буксировали за оленями.

Многочисленные военные грузы доставляли в срок оленеводы Гавриил Хатанзей, Алексей Хатанзейский, Михаил Терентьев и другие.

Превратив полярную ночь и бездорожье в своих союзников, олене-лыжные батальоны занимались не только транспортными операциями. Они участвовали в разведке, наступлениях, крупных рейдах в тыл врага. В 1942 году аэродром гитлеровцев, расположенный в Петсамо, был разгромлен олене-лыжным батальоном. Ефим Иванович Горбунов вспоминает: «Для нападения выбрали самую темную пору. Мела сильная поземка. Бойцы в белых халатах. Оленей не слышно. Это не лошадь, которая неожиданно может заржать и испортить все дело. Подобрались незаметно, переждали, пока фашисты улягутся, а потом внезапно налетели. Уничтожив охрану, взорвав самолеты и склад горючего, растворились в снежной круговерти незаметно, как и нагрянули. Попробовали нас догонять, да куда там!». [19].

Особое место в перевозках занимала эвакуация раненых. Такая эвакуация проводилась в радиусе 7-10 километров, т.е. от переднего края до полкового медицинского пункта. Полковому медпункту для этого предавали взвод оленьего транспорта. Для санитарного транспорта олени использовались даже во время десантных операций. С передовых позиций вывозили раненых, а обратно перебрасывали боеприпасы. Один из бойцов-оленеводов из Ловозера А. Сорванов рассказывал: «Много раненых на войне наши олени спасли. Раненый человек, потеряв много крови, замерзает. Оленья шкура тепло хорошо держит. Завернешь раненого в шкуру, положишь на нарты и везешь» [13]. Быстрая, повсюду проходима упряжка стала незаменимым помощником фронтовых медиков.

Еще одно воспоминание о помощи оленьих упряжек в вывозе раненых в рассказе известного разведчика Александра Назарьевича Синцова. 1 января 1942 года группа разведчиков под командованием лейтенанта Фролова отправилась в тыл врага на задание. Высадились в поселке Лавна, где их поджидали три оленьих упряжки и два оленевода. 4 января подошли к Зимней Мотовке. Оленьи упряжки были оставлены, и отряд двинулся дальше своими силами. В ночь на 5 января вышли по направлению к поселку Никель – конечной точке маршрута. Во время движения группа была обнаружена и обстреляна немецкими самолетами. Совершив четыре захода, они превратили снежную равнину в месиво, из которого торчали рюкзаки и лыжи. Двое бойцов погибли. Пятеро были тяжело ранены. Отряд стал небоеспособным. Неизвестно как бы смогли эвакуироваться бойцы и вывезти раненых, если бы не помощь оленей. Всю ночь оленьи упряжки вывозили раненых и замерзающих разведчиков. [23].

В мемуарах Героя Советского Союза С.Г. Курзенкова описан такой случай, когда саамы спасли летчика Алексея Шведова: После четвертой ночи он потерял счет времени. Шел как в тумане. И вот однажды, когда совсем выбился из сил, услышал человеческие голоса. Из-за сопки появилась оленья упряжка. Алексей хотел крикнуть – и не

смог: рот не открывался. Тогда он выхватил пистолет и стал стрелять...» (Курзенков С.Г. Под нами земля и море. М., 1967. С. 46)

Без оленеводов не обходилась также ни одна боевая операция партизан, которые наносили удары по вражеским тылам на глубину до нескольких сот километров от линии фронта. Здесь действовали пять отрядов: «Большевик Заполярья» и «Советский Мурман», сформированные по решению Мурманского обкома партии из коммунистов и комсомольцев Кольского полуострова, и три – «Полярник», «Большевик», «Сталинец», присланные из Архангельской области. Они уходили во вражеские тылы на глубину до 500 километров, и подвозка боеприпасов, вывоз раненых осуществлялись часто на оленях. Как-то райдник (райды – олени обозы) комсомолец Гавриил Хатанзей переправлял через линию фронта боеприпасы и снаряжение партизанам. Немцы обнаружили его и открыли огонь. Двенадцать оленей упали, сраженные пулеметными очередями. Но Гавриил не растерялся, быстро обрезал постромки на убитых животных, и рейда продолжала путь. Груз был доставлен по назначению и вовремя. [8].

На оленях мчались офицеры связи, доставлялась срочная почта. С целью рекогносцировки местности на них ездили и генералы, в том числе и сам командующий 14-й армией Владимир Иванович Щербаков. Даже сам командующий фронтом К. Мерецков не гнушался проехаться вдоль фронта на оленьей упряжке, правда, отмечал капризность этих животных.

Большую помощь бойцы оказывали и авиации. Почти у каждого оленевода было по одному и даже по два «крестника» из летчиков. Подобьют где-нибудь над снежным полем наш самолет, кто летчика заберет кроме них? Особенно радовались, когда «крестники» сбивали фашистские самолеты. Оленеводы гордились так, будто сами сбили вражеский самолет. Анатолий Иванович Рожин вспоминает: «В сорок третьем году мой взвод занимался вывозкой моторов с подбитых самолетов. А каждый из них весил не менее полутонны. Выручила изобретательность канинских оленеводов и в особенности Василия Степановича Белугина. Они соорудили большую нарту, на которую при помощи стягов и слег погрузился снятый с самолета мотор, а дальше уже дело было за хорошими постромками и оленьей тягой. Впрягать в такую нарту приходилось до 20 оленей.

Олени отлично проявили себя и в морских операциях. Е.И. Горбунов вспоминает: «Однажды мы проводили крупный десант в тыл противника. Сопровождали десантные операции олени. В двух-трех километрах от берега мы накренили верхнюю палубу корабля и таким образом сбрасывали их в воду. Причем олени доплывали до берега быстрее шлюпок». [19].

Действовали олени и в пограничных войсках. Подполковник в отставке А.И. Штельман рассказывает: «В нашем 82-м пограничном полку уже, начиная с ноября 1941 года, был целый взвод воинов – оленеводов. Главным проводником – разведчиком был житель Заполярья Павел Михайлович Костылев. Отменный знаток местности, он уводил наших разведчиков по тылам врага на 150 – 200 и более километров. Я знал также и красноармейца – оленевода Осипова. Смелые были ребята, находчивые. Они спасли жизни сотни раненым пограничникам, в том числе мне, капитанам Большакову, Чуркину и другим». [24].

Подразделения блестяще оправдали надежды. После буранов и снежных заносов фронтовые коммуникации оказывались непроходимыми даже для гусеничного транспорта. Но не для оленей. Бывали случаи, когда, оказавшись в ледяной воде, олени передними копытами ломали и дробили ледяную кромку, пробивались к прочному льду и, выпрыгнув, вытягивали нарты.

А вот уникальный случай. Ловозерский оленевод саам Иван Пьянов в декабре 1941 года заарканил гитлеровского солдата и на оленях доставил его в штаб части. «Язык» оказался очень ценным, и Пьянов получил награду – медаль «За отвагу». [35].

Константин Симонов, приехавший в Заполярье от газеты «Красная Звезда», писал в своем очерке: «С горы на гору, по отвесным спускам, через глубокие котловины, наполненные снегом, летят олени – северный экспресс – самое быстрое средство передвижения в этих широтах».

Фронтовые будни оленьих батальонов можно проследить по рисункам, которые хранятся у профессора Алексея Григорьевича Базанова. Эти рисунки выполнили по его просьбе бойцы из «оленьего войска», когда он, по поручению члена Военного совета фронта Терентия Фомича Штыкова, пробыл в оленьем войске в течение трех дней, изучая обстановку и готовя подробный доклад. Кто-то из них изобразил боевые олени упряжки, каюров-проводников; кого-то привлекли отдельные эпизоды: «выход в разведку», «выход за языком», «возвращение с боевого задания», «подвоз на передовые позиции боеприпасов», «спасение раненых летчиков, сбитых в боях с противником», «встреча с немецким танковым десантом». Авторы многих рисунков остались навеки в братских могилах. Другие скончались от ран.

3. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОЛЕНЬЕГО ТРАНСПОРТА В ХОДЕ МУРМАНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (28 апреля – 10 мая 1942 года)

28 апреля 1942 года началась трагическая Мурманская наступательная операция. О ней написано достаточно. Но вот какая роль отводилась в ней оленям известно мало. В литературе чаще всего упоминается участие оленьего транспорта в десанте на мыс Пикшуев (наиболее часто об этом упоминается в мемуарах С.П. Шерстобитова). А как действовали оленетранспортные батальоны на других участках фронта? Об участии 5-й и 6-й отдельных лыжных бригад в указанных боях удалось проследить по документам присланным из Подольского архива Максаевым С.Е., воспоминаниям ветерана 31-й ОЛБ С.И. Пасканного, письмам, которые в те дни шли с фронта родным.

Уже в период апрельско - майских боев сорок второго года по прорыву обороны противника олений транспорт показал все свои преимущества в Заполярье.

6-я отдельная лыжная бригада с 18 апреля по 15 мая 1942 года в составе 14-й армии под командованием майора Можайко и затем полковника Соловьева ведет бой в обороне, одновременно переходя в частное наступление на левом фланге войск Мурманского направления. 28 апреля 6-я ОЛБр получает боевую задачу – выйти на коммуникации противника западнее озера «Дракон» и дезорганизовать его тылы. 29 апреля 8-й батальон бригады попал южнее озера Кильгись в засаду и был окружен егерями. Понеся тяжелые потери, он с боем вышел из окружения.

1 мая севернее озера Кильгись в окружение попали 7-й и 10-й батальоны. К ним на выручку пришли два батальона 5-й ОЛБр, но прорваться к окруженным не смогли. В журнале боевых действий 6-й ОЛБр, хранящемся в Подольском архиве, записано: «Судьба 7-го и 10-го оленелыжных батальонов не известна» (справка из архива прислана ветераном 31-й ОЛБ, работавшем в Подольском архиве, Максаевым Степаном Евдокимовичем).

Бои шли в исключительно трудных условиях. В ходе боев олени, благодаря выносливости и большой проходимости, оказали неоценимую помощь нашим подразделениям, обеспечивая их всем необходимым. На оленьих упряжках было эвакуированы в тыл сотни раненых бойцов. Среди лесистых сопок и озер, не зная усталости и страха, работали оленеводы Семен Семенович Рочев, Илья Григорьевич Личков, Семен Александрович Филиппов, Аркадий Ванюта, Николай Григорьевич Вылка, Михаил Тимофеевич Ледков и многие, многие другие ездовые-ненцы, коми, саами, русские. Они спасли жизнь не одной сотне наших воинов!!!

О майских боях 1942 года вспоминает в письме, присланном в гимназию, ветеран 31 ОЛБр Сергей Иванович Пасканный: «Весной 1942 года в Заполярье намечалось наступление с целью полного освобождения Советского Заполярья и в этих боях предстояло участвовать бригаде. В последних числах апреля 1942 года лыжные батальоны нашей бригады и других частей, одновременно нанесли удары по немецким войскам в разных

местностях, и завязался бой. Бои проходили до 3 - 4 мая и на многих участках мы стали теснить противника, отвоевывать его укрепленные опорные пункты. Но вследствие изменившейся погоды, из-за сильных метелей, бушевавших несколько дней, были отрезаны пути снабжения с частями, нарушена связь и взаимодействие, части остались без боеприпасов и продовольствия, нарушалась эвакуация раненых, и бои пришлось прекратить и остановиться. Да это были для всех нас необстрелянных солдат и офицеров первые бои, это были тяжелые бои в условиях бездорожья и безжалостной, капризной северной погоды. В этих боях основную часть потерь, а они были большими, части бригады понесли от непогоды. Много было замерзших, обмороженных. Это было жуткое и страшное зрелище, когда ты видел, как гибнут твои товарищи, замерзая, и ты не можешь им помочь. У всех нас попримерзли маскхалаты, полушубки и ватные брюки, все мы ходили как мерзлые сосульки, голодные и холодные, т.к. не с чего было разжечь костры, а лыжи, которые мы жгли, их хватало ненадолго. Вот так бригада и я приняли свое первое боевое крещение. Это мне запомнилось на всю жизнь, хотя были и в последствии и более жаркие схватки, но этих «холодных» боев никогда не забыть. Вот вам один из моих первых памятных боев, в которых я получил сильное обморожение ног».

С 28 апреля по 10 мая 1942 года 6-я ОЛБр, потеряла убитыми 309 человек, пропали без вести – 562, замерзли – 25, ранены – 440, обморожены 58, заболели – 97. Общие потери бригады 1491 человек, т.е. более 53 процентов личного состава. [11].

Несмотря на понесенные потери, бригада значительно потеснила противника и закрепились на высоте 221 и левом берегу реки Западная Лица. 25 сентября того же сорок второго года 6-я отдельная лыжная бригада, пополненная личным составом и техникой из 5-й отдельной лыжной бригады, заградотряда № 1 и 9-го отдельного лыжного батальона, была переименована в 31-ю отдельную лыжную бригаду. Ее командиром был назначен полковник Соловьев Владимир Николаевич.

На нее выпала ответственная задача - намертво закрыть левый фланг 14-й армии - к юго-западу от расположения огневой позиции 6-й героической комсомольской батареи 143 артполка, ценою жизни всего личного состава преградившей врагу путь на Мурманск в сентябре сорок первого года. Считая этот фланг самым слабым местом в нашей обороне, гитлеровское командование и строило на этом свои расчеты, планируя новое наступление. Но 31-я отдельная лыжная бригада, батальоны которой уже в марте-апреле, сходу, были выдвинуты именно сюда, в район, изобилующий сопками, поросшим лесом и мелким кустарником, гранитными скалами, озерами, болотами, стала надежным заслоном на пути врага на Мурманск.

Вплоть до октября сорок четвертого, когда началось наше победоносное наступление по всему фронту, 31-я ОЛБр ни на метр не сдала своих позиций. Наоборот, обладая большой маневренностью, бригада сама, зимой и летом, в любое время года, наносила внезапные и ощутимые удары на левом фланге, совершала мгновенные рейды по тылам врага, громила его опорные пункты, вела разведку, добывала ценные сведения для всего фронта. По-прежнему базируясь у озера Песочного, бригада своими дерзкими налетами наводила страх на гитлеровцев, не давала им покоя, изматывала и обескровливала силы противника, громила опорные пункты, захватывала обозы и пленных. Егеря не знали покоя даже вдали от фронта.

Подсчитано: с лета 1942г. - лето 1944года бригада совершила 43 боевых выхода по вражеским тылам, разведчики провели около ста операций, за два года она уничтожила четыре тысячи фашистов! А всего бригада прошла более 16 тысяч километров и много раз выходила из боевых схваток победителем.

Во многих больших и малых операциях участвовали сотни наших земляков, в том числе и на оленьих упряжках, со своими олешками, любовно прозванными «вездеходами», «северными танками». Так окрестил их, в частности, командир бригады, а затем корпуса – генерал Соловьев. Оленьи упряжки оказались здесь наиболее надежным, а иногда и единственным транспортным средством, обеспечивавшим успех боевых операций. Как пишет полковник в отставке Н.Румянцев в статье «Применение оленьего транспорта в 14 армии Карельского фронта», опубликованной в № 11 за 1972 год «Военно-исторического журнала», если за 1941-42г. было перевезено на оленях 1093 тонны грузов, то за зиму 1943-44г. уже 11409 тонн.

Не менее трагичные события происходили в это время и на правом фланге.

28 апреля 1942 года более шести тысяч моряков 12-й бригады морской пехоты высадились в районе мыса Пикшуев. Вместе с десантниками был и оленетранспортный взвод: 22 ездовых оленевода из оленетранспортного батальона 14-й армии, 200 боевых оленей и 75 саней. Об участии «оленьей кавалерии» известно, что в десантной операции на мыс Пикшуев участвовали оленеводы из Гремихи. Жители этого поселка, стоящего на стыке Баренцева и Белого морей, передали фронту более пяти тысяч оленей. В. Канев рассказывает: «В этот день, памятного 42-го, мне довелось вступить в бои, которые так и называются апрельскими – майскими. Пришли к нам командир взвода Шерстобитов и командир отряда Денисов. Назвали фамилии самых молодых, ловких, сильных и приказали готовить оленей. Погрузили нас на два рыболовецких тральщика. В 5 часов утра нас доставили на полуостров Средний. Сразу попали под обстрел вражеских орудий. К счастью,

обошлось без потерь. Тут же погрузили боеприпасы и – туда, где шел бой. Здесь я получил первую боевую награду – медаль «За боевые заслуги». [16].

Воспоминания Александра Ивановича Денисова, бойца оленетранспортных отрядов, помогают воссоздать картину этой не простой операции. Первая сложность состояла в том, как погрузить оленей на боевые корабли, но еще сложнее было их высаживать. Ветеран вспоминает: «Высаживать оленей было непросто. Сначала их обвязывали концами и опускали в шлюпки. Потом стали их сбрасывать за борт. И они поплыли за теми, которые в шлюпках. Ну а нарты связывали цепью и буксовали». [10]. Воспоминания С. Шерстобитова об этой операции позволяют уточнить детали. Предложение о высадке оленей внес Николай Хатанзей. Именно он предложил связать сани цепочкой и тянуть их на берег, а олени, увидев это, сами поплывут за санями. Семьдесят пять саней были спущены в воду, с берега их тянули длинной веревкой. Двести оленей по трапам ринулись за санями и резво поплыли к берегу. [35]

Эта операция проходила в сложных погодных условиях. Метель, резкое похолодание, шквальный ветер. Начались сильные обморожения среди бойцов морской пехоты. Вот тут и помогли олени. Командир отдельного оленетранспортного батальона, участник пикшуевского десанта Семен Петрович Шерстобитов рассказывает: «Спокойно, виртуозно управляя оленями, минуя простреливаемые врагом тропы и перевалы, отважные оленеводы пробирались по почти отвесным скатам. Раненые и обмороженные десантники своевременно вывозились к морю, а боеприпасы доставлялись на поле боя». [35]. В музее Северного флота есть «История 12-й бригады морской пехоты». В этой самодельной тетради из грубой серой бумаги военной поры есть описание десанта на мыс Пикшуев. Об оленьем десанте несколько строк: «Приготовлены были 50 оленьих упряжек с нартами для перевозки раненых», но за этими цифрами жизни спасенных бойцов.

Пятнадцать суток 12-я бригада вела тяжелый бой с превосходящими силами противника. В эти дни оленеводы водили упряжки по открытой местности, под огнем врага. Олени нуждались в корме, а ягельные участки обстреливались. Сержант Данилов первым полез на скалы собирать ягель. За ним пошли комсомольцы Яков Матрехин, Василий Канев, Михаил Матрехин и другие. С. Шерстобитов пишет: «Когда подморозило, вокруг образовался не пробиваемый копытом лед-наст. Олени голодны... Оленеводы лезут на скалы, собирают ягель оленям. Крошат снег топором, чтобы напоить животных. Катер – «охотник» доставил нам рыбную муку, Тем же катером отправляем под видом раненого, нарочно к начальнику тыла 14-й армии: «Просим немедленно доставить 500 – 600 килограммов овсянки! Ягель закован морозом, олени голодны!» Через 7 часов из Полярного

катер привез тонну овсяной крупы. Олени жадно едят крупу, повеселели, появилась жвачка...». [36].

При открытии памятника на мысе Пикшуев в честь десанта 12-й бригады морской пехоты участники десанта М. Ситкин и А. Бакин вспоминали круглосуточную работу оленетранспорта 14-й армии. Днем и ночью он вез по весеннему распутью сражающейся бригаде боеприпасы и продовольствие. Оленевод вел не одну легковую упряжку, у него на прицепе было по три грузовых. На обратном пути доставлял 10 – 12 раненых, обмороженных, ослабевших воинов. Полковник в отставке А. Гальченко, бывший комиссар 1-го батальона бригады, с большой признательностью отзывался о работе оленеводов: «Олени ваши вывезли до мороза более 100 раненых, а уж после мороза аккуратно подвозили нам продовольствие и увозили в санбат обмороженных и раненых». [36].

4. НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ: УЧАСТИЕ В ПЕТСАМО – КИРКЕНЕССКОЙ ОПЕРАЦИИ

Учитывая важность оленьего транспорта во фронтовых условиях, уже к началу зимы 1942-1943 года все войсковые олени с пастухами были сведены в несколько армейских транспортов и перешли в подчинение штаба 14-й армии. Он непосредственно и давал в дальнейшем задания оленьим транспортам или направлял их подразделения на передовую в распоряжение воинских частей.

В октябре 1944 года, когда наши части громили фашистов, лучшие бойцы – оленеводы с упряжками оленей были переданы 126-му легкому стрелковому корпусу под командованием полковника Владимира Соловьева. С 6 сентября по 6 ноября 1944 года под командованием полковника Лысенко С.П. 31-я ОЛБр в составе 14-й армии участвует в боях за Петсамо, Никель, Рудники, Киркенес, совместно с другими частями фронта освобождает Советское Заполярье и вступает на территорию Норвегии.

Мне удалось найти памятку, выпущенную политотделом 14-й армии в типографии газеты «Разгромить врага» 30 сентября 1944 года. Это своего рода инструкция бойцам и сержантам по подготовке к предстоящей операции и действиям в ходе ее. Анализ документа позволяет сделать ряд выводов об особенностях предстоящих сражений и, несмотря на то, что в ней нет конкретного обращения к солдатам оленеводам, предположить какова должна быть их задача. Обращусь к документу:

- «... Нелегко воевать в горах. Нелегко вышибать из скал и сопок укрепившегося в них врага... Что требуется от нас, чтобы разгромить ненавистного врага?.. Воевать умело,

храбро и бесстрашно, учитывая особенности наступательных действий в горно-болотистой местности. Наш участок фронта покрыт голыми сопками, дорог здесь мало, населенных пунктов и лесов нет...». Этот отрывок позволяет предположить, что в условиях наступательной операции для того, чтобы выбить врага с его позиций, которые он укреплял в течение двух с половиной лет, необходимы были мощные средства артиллерии. А как доставить ее, как передвигать, продвигаясь с армией по освобождаемой территории? Вот и первая задача для оленетранспортных подразделений в составе воинских формирований.

- «... Основными видами боя в этой местности, где враг укрепился на высотах, являются охват, обход и окружение противника. Успех боевых операций зависит от смелых, решительных действий мелких групп и отрядов (отделение, взвод, рота, батальон). Мелкие группы и отряды будут скрытно выходить на фланги и в тылы противника, вклиниваться в боевые порядки врага, разъединять его на части, нападать на вражеские штабы и склады». Рейды в тыл врага с разведкой, для выполнения боевых операций, ликвидации важных объектов, занятие знакомое для бойцов оленетранспортных батальонов. И эта задача будет успешно выполнена ими в ходе Петсамо-Киркенесской операции в составе 31-й ОЛБ.

Части соединения скрытно обходили оборонительные рубежи противника с флангов. На этот раз животные шли под вьюками. В каждом – по два ящика артиллерийских снарядов. Покрытые плащ-палатками воины, а также олени на осеннем фоне тундры хорошо маскировались. Перед бойцами была поставлена задача: выйти в глубокий тыл противника и перерезать развилку дорог на Никель, Ахмалахти, Печенгу, уничтожить вражеский аэродром Луостари. Переход проходил в условиях полного бездорожья, по болотам и скалистым сопкам. Реки Титовку и Печенгу форсировали в ледяной воде. Олени шли без нарт, навьюченные грузом. Удар по врагу с тыла был ошеломляющим. Перекресток был захвачен и удержан. Немцы в течение четырех суток пытались любой ценой вернуть утраченные позиции. Успешно был захвачен и аэропорт. Все это обеспечило успех наступления 14-й армии на Петсамо. 15 октября Верховный Главнокомандующий объявил всем воинам 31-й ОЛБ благодарность.

Об этой операции читаем в воспоминаниях Русинова Михаила Егоровича, который был помощником командира взвода: «У каждого бойца транспортного отряда было пять оленей, каждый из которых нес 50 кг боеприпасов на вьючных седлах. Олени настолько сжились со своими хозяевами, всего насмотрелись, что были на редкость послушными. Они шли по северному бездорожью, привязанные друг к другу, поощряемые сухарем и комбикормом, и если бы не они... Мы вышли к реке Петсамо. Снег в три пальца, мороз, а

вода-а-а-а... Переходили реку по грудь в ледяной воде, у оленей только спины с боеприпасами видны... За трое суток, сколько шли, ни огня, ни перекура: еда – размоченный сухарь, а вещи высыхали от тела, так и портянки сушили, обмотав вокруг себя лоскуты» [20]. Части скрытно подошли к вражескому аэродрому в Луостари. После короткого ожесточенного боя, аэродром был уничтожен. Ни один вражеский самолет не успел подняться в воздух. В этом бою погиб любимец всех оленеводов комсомолец Яков Матрехин – саам из Иоканьги. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны. [30].

Затем, совершив 70-километровый марш-бросок, утром 10 октября вышли к населенному пункту Пильгуярвен в Северной Норвегии. И снова обходным путем вышли в тыл врага, чтобы перерезать магистральную шоссеиную дорогу в районе г. Никель и закрепиться на ней, преградив путь для отступления противнику. 23 октября еще одна благодарность Верховного Главнокомандующего за овладение никелевыми рудниками, г. Никель, населенными пунктами Ахмалахти и Салмиярви.

Третий рейд бригада совершила в тыл противника в районе г. Киркенес и в северо-восточную Норвегию. Шли по сплошным болотам. Снова вместе с солдатами двигались навьюченные олени, неся на себе минометы, боеприпасы и другое боевое снаряжение. Местное население было удивлено появлением русских со стороны болот. Тем более не ожидали такого дерзкого налета наших войск с левого фланга немцы. Норвежцы даже спрашивали: «Возможно, у вас танки есть?». Начальник штаба бригады Дрознин отвечал: «Да, и танки есть». В это время из леса показались вьючные олени. «Вот и наши танки!». За освобождение Киркенеса и Печенгской области 25 октября и 1 ноября 1944 года бригаде была объявлена еще одна благодарность, а сама бригада Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31.10.1944 года была награждена орденом «Красное Знамя» и получила наименование – 31 Отдельная Лыжная Краснознаменная Бригада.

Вот как он описывает события тех дней ветеран 31-й ОЛБ С.И. Пасканный: «В октябре 1944 года, участвуя в Петсамо-Киркенесской операции, бригада прошла по горной тундре 180 км до норвежского города Нейден. Солдаты шли с грузом до 32 килограммов через многочисленные ручьи и болота в ботинках с обмотками, не имея возможности высушить портянки и обувь, ночуя на сырой земле, без костров, под открытым небом. Да еще героически сражались с врагом и освобождали от захватчиков Кольскую землю. Со своих основных баз на берегу реки Западная Лица и высоты 221,2 части корпуса (31-я ОЛБр вошла в состав 126-го ЛГСК) передислоцировались в район высоты 373,3 «кариквойвыш», куда стали подводить дороги и создавать плацдарм для нанесения удара на основном направлении удара и прорыва. Это был июль-октябрь 1944 года. Снова началась окопная жизнь под

дождем и холодом, днем и ночью на протяжении многих месяцев. Наконец, 4 октября в ночь, части бригады получили большие запасы боеприпасов, продовольствия, снаряжения и другого имущества. Оставили подготовленный плацдарм другим частям и двинулись в дальний и тяжелый путь, с несколькими сотнями вьючных лошадей и несколькими тысячами вьючных оленей, которые везли нашу горную артиллерию, минометы, боеприпасы. В вещевом мешке каждого солдата и сержанта помимо запаса на 10 дней сухого пайка и по 300-400 патронов на винтовку и карабин или 1000-1500 патронов на автомат, помимо своего личного оружия – автомата, карабина, пулемета или ружья ПГР, лежало еще по 2 снаряда весом 6,5 кг, по 3-4 ленты. В таком тяжелом походном порядке по бездорожью, по болотам, через сопки, форсируя с ходу десятки всевозможных рек, ручьев, минуя вражеские опорные пункты, чтобы не быть раньше времени обнаруженным, 126 горно-стрелковый корпус вышел в район Петсамо и оседлал развилку дороги, при этом, единственной дороги идущей с фронта в этом районе на Петсамо, Никель и дальше Норвегию.

Нашей 31-й бригаде и нашему первому лыжному батальону, которым командовал ленинградец Розенштейн Геннадий Александрович (погиб в боях в Польше в боях в районе г. Зароу (под Краковым)), выпало военное счастье с ходу оседлать развилку дороги.

Подошли мы скрытно, на рассвете третьих суток к самой дороге. Я в это время командовал взводом ПТР (противотанковых ружей). Примерно за 1 – 1,5 км от дороги, капитан Розенштейн поставил задачу командиру 1-й стрелковой роты капитану Рассказову Петру Петровичу. С моим взводом ПТР (в моем распоряжении было 6 ружей и 3 ружья оставлены в обозе), выйти в район развилки во главе боевой походной заставы батальона и сходу оседлать развилку с задачей, 1-й роте удерживать ее до подхода основных сил батальона, а моему взводу поставлена задача не пропустить через развилку возможное появление танков, бронемашин и автомашин. Мы настолько скрытно вышли к развилке, что двигавшаяся к фронту немецкая воинская часть (около батальона), была нами с ходу атакована в палатках и без организованного сопротивления обращена в бегство. Столь стремительного, столь скрытного и в таком глубоком своем тылу немцы нас не ожидали. Мы с ходу захватили немецкий обоз, много автомашин, повозок и других транспортных средств с военным имуществом и продовольствием. О неожиданности нашего появления в расположении немцев говорит и такой факт: когда мы ворвались в их расположение, то у них происходил только подъем, и многие солдаты выскакивали в нательном белье. В расположении обоза дымили походные кухни и возле них стояли термоса с открытыми крышками полные макарон с мясом.

Только через час, после того как мы заняли все огневые точки, траншеи и окопы в районе развилки, на наши боевые порядки налетела авиация, вызванная с аэродрома Луостари. С Луостари по нам открыли огонь зенитная артиллерия, был открыт сильный минометный огонь и немцы пошли в атаку. Первая атака была нами отбита, была отбита и вторая, и третья, и все последующие. Так в течение трех суток до подхода основных частей прорвавших фронт противника, мы отбивали атаки немцев в полном окружении от наседавших на нас немецких частей, отходивших с боями от преследования с фронта и от частей, спешивших с Норвегии на выручку своим. За трое суток нами было отбито 33 контратаки.

Немцы несли большие потери, перед нашей обороной лежали сотни убитых фашистов, но они лезли и лезли вперед напролом. Порой им удавалось вклиниться на отдельных участках в ряды нашей круговой обороны, но мы их снова вышибали. Даже раненые не уходили с поля боя.

Вот один из примеров говорящих о кровопролитности и напряженности боев. Меня вызвал командир батальона и сказал, что командир 3-ей роты Серачев убит, командир 1-й роты капитан Рассказов ранен, из пяти командиров взводов его роты в живых остался один лейтенант Фомин, немцы там предпринимают отчаянную попытку продвигаться, рота несет большие потери. Мне было приказано пробраться в расположение роты, выяснить, кто из офицеров остался в живых, выяснить обстановку, принять роту и организовать оборону занимаемого ротой участка.

Когда я прибыл в роту и все выяснил у лейтенанта Фомина, то оказалось, что, несмотря на прибывшее с ездовыми оленями в роту пополнение, в живых осталось 17 человек (из 130), действовало 12 ручных и станковых пулеметов. Вскоре когда мы с Фоминым были на командном пункте роты, около нас разорвалась немецкая мина. Лейтенант Фомин получил от ее разрыва около 30 мелких осколочных ранений, но остался в строю. Я тоже был ранен в бровь, а второй осколок, задев руку, остался в правой половине груди (как память об этом бое, я ношу этот осколок в своей груди и сейчас).

Но все же мы выстояли. Чудеса героизма, отваги проявили все бойцы, сержанты и офицеры. За этот бой, почти все оставшиеся в живых, а многие посмертно были представлены к наградам. Я же получил свой второй орден «Отечественной войны 2-й степени» (первым был орден «Красной Звезды»).

Когда нас сменила подошедшая стрелковая дивизия, то все мы имели неприглядный воинский вид, отбивая атаки днем и ночью, у всех были на исходе боеприпасы и съедены все продукты. Пришлось эвакуировать всеми видами транспорта более 700 раненых бойцов и офицеров бригады.

Последний из рейдов был уже на норвежской земле в районе г. Киркинес, где нам пришлось форсировать довольно широкую и быструю реку Нейден-Йоки под обстрелом врага. В этой операции неоценимую помощь оказали добродушные и гостеприимные норвежцы, которые предоставили нам лодки, перевезли нас. Немцы, находившиеся примерно в 2-х км от реки на высоком крутом берегу вдоль дороги, мы их заметили издалека по большому количеству разведенных костров, не принимая большого боя, взорвали мост через реку, подожгли продовольственные склады и начали спешное отступление. Это был последний бой корпуса в Заполярье.

За освобождение Советского Заполярья, корпус и наша 31 горно-стрелковая бригада, были награждены орденом боевого Красного Знамени. А наш командир корпуса полковник Соловьев, при смотре в районе г. Никеля появился перед строем бригады в чине генерал-майора».

5. ПОДВИГ ВОИНОВ ОЛЕНЕТРАНСПОРТНЫХ БАТАЛЬОНОВ В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ВЕТЕРАНОВ

О боевой работе солдат-оленеводов - ненцев, саами, коми можно бы рассказать много. Но я ограничусь выдержками из воспоминаний самих участников обороны Заполярья, хорошо раскрывающих вклад в это дело наших солдат на нартах.

Начну с писем ветеранов 31-й ОЛБ, которые шли с фронта родным и близким. Письмо от 20 сентября 1942 года написанное Николаем Маркиным. Письмо, очевидно, было отправлено без конверта (об этом говорят сгибы на листе бумаги), возможно с оказией. Бумага не писчая, красноватого цвета. Письмо написано карандашом. О боевых действиях одна строчка: «Три дня тому назад вернулся с одной операции, в течении 15 часов вели бой в глубоком тылу врага куда пробрались незаметно дали фашистам жару не плохо. Я и мои товарищи бойцы остались боем довольны некоторые пали смертью храбрых ну сами знаете что на войне без потерь не бывает» (орфография и пунктуация авторские). Николай сообщает жене, что уже выпал снег (20 сентября!) и скоро встанут на лыжи. Упоминается в письме о наркомовских 100 граммов – это спирт, который начинали выдавать «...для согревания внутренностей». Поражает тон письма. Я знаю, что сентябрь 1942 года – трудное время для нашей армии. А Николай не только сам не унывает, но и подбадривает жену: «Сима живи не унывай встречай все трудности с улыбкой и песенкой и все будет переноситься легко вот так как делаю я».

Второе письмо написано Евтеевым Анатолием 20 июля 1943 года. Пишут его три товарища, очевидно, своей общей знакомой Фоминой Наталье Михайловне. В письме

есть интересные детали: «... 12 сутки находимся в тылу у немцев понемножку гоняем их по заполярным сопкам, короче говоря, даем ему жизни. ... простите меня, что плохо пишу, пишем письмо на камушке, а не на столе, пишем сообща, так как на троих один клочок бумаги, и то от вашего письма...». Как могло попасть письмо в руки бойца находившегося в глубоком тылу я могу понять: известно, что в ряде случаев олений транспорт забрасывал бойцов глубоко в тыл врага, а затем, отходил в условленное место, и, при необходимости, с ним поддерживалась по радиации связь, и доставлялось необходимое. Письмо заставило задуматься над следующим: неужели во время рейдов в тыл врага вышедшей на задание группе доставляли не только продовольствие, боеприпасы, но и письма? Письмо свернуто треугольником, отправлено без конверта, т.к. адрес и почтовые штампы находятся на самом письме.

Третье письмо написано старшим лейтенантом Писаревым Филаретом Ивановичем. Это письмо написано уже в январе 1944 года. Анализ письма показывает, что к этому времени бойцов Советской армии обеспечивали специальной бумагой для писем. Предусмотрено все для удобства: страница разлинована, есть указание, до каких пор можно писать, это необходимо для складывания письма в конверт. И вновь очень скупая информация о войне: «... С выхода я вернулся благополучно. Привели «языка» австрийца обер-ефрейтора. Насилу я удержался, чтоб не избить его по дороге, да нельзя надо живым было доставить в штаб. 6 суток провели мы в снегу, не снимая лыж промерзли порядочно. Теперь отдыхаем и ...(написано не разборчиво) к следующему походу. Таня, меня наградили орденом Красная Звезда. Теперь не совестно будет на глаза людям показаться...».

Строчки этого письма и анализ записей в красноармейских книжках бойцов 31 ОЛБ показывают, что воинов бригады не баловали орденами и медалями. В красноармейской книжке Смирнова Д.П. в разделе «Участие в походах, награждения и отличия» на период боев в Заполярье приходится только четыре записи: 6 декабря 1943 года награжден медалью «За отвагу»; 6 ноября 1944 года – орденом «Красной Звезды» (за участие в Петсамо-Киркенесской операции); 5 декабря 1944 года – медаль «За оборону Советского Заполярья» (ей награждали всех бойцов и работников тыла по случаю полного освобождения) и четыре благодарности т. Сталина. Чем это можно объяснить: особенностями позиционной войны или недооценкой роли со стороны командования действий 31-й ОЛБ? А подвиги были.

Завершая анализ писем присланных фронта, отмечу общее для всех них: очень скупая информация о боевых действиях. Что это – скромность, желание подробностями не посеять тревогу в сердца родных? Но вот письмо Евтеева написано, очевидно, девушке, которая нравилась. Как тут не похвастаться своими подвигами? На этот вопрос отвечает само письмо Евтеева. На нем стоит многозначительная надпись «Просмотрено военной

цензурой». Так что ни одно слово, дающее оценку действиям советских войск, или раскрывающее подробности операций не прошло бы незамеченным и тогда (кто знает?) могли ограничить в праве переписки или обвинить в чем-то более серьезном.

В своих послевоенных воспоминаниях ветераны становятся более откровенными. Рассказывают подробности, вспоминают интересные случаи своей службы и службы своих товарищей.

Бывший командир отделения 1-го армейского оленьего транспорта, депутата Верховного Совета СССР 5, 6 и 7 созывов, Егор Николаевич Ледков пишет: «Наше подразделение постоянно совершало рейды в тыл противника, нападало на немецкие опорные пункты, на которых строилась их оборона, создавал панику в стане врага, забирал пленных. Однажды мы получили приказ: совершить рейд в тыл врага, разгромить опорный пункт и взять «языка». К операции готовились тщательно: каждому бойцу нужен был маскировочный халат, лыжи с прочными креплениями, сухой паек на неделю. Соответственно снаряжали и оленьи упряжки: оленям пилили рога (чтобы ничто не мешало), шили для них белые накидки.

Рейд длился несколько суток, двигались только ночью: днем враг мог обнаружить отряд. Вот головной увидел телефонную линию, на снегу заметна была лыжня. Вскоре мы обнаружили и немецкий опорный пункт, обнесенный колючей проволокой. Подошли к нему с двух сторон и открыли огонь. Но противник молчал. Тогда группа бойцов бросилась к ближней землянке. Рядовой Изосим Ледков с гранатой в руке скомандовал немцам: «руки вверх!». Из дверей ударила пулеметная очередь, Изосим был сражен. Но его товарищи закидали землянку гранатами. Оттуда вышло несколько немцев с поднятыми руками. Взяв «языка», мы быстро двинулись в обратный путь. Пленного вез Абрам Канев. Когда вернулись назад, кто-то его спросил: «Ну, Абрам, поди все узнал: какой моральный дух немецкого солдата, ждали ли они гостей, здорово ли нас испугались?» А тот: «Немец всю дорогу на меня смотрел, как зверь, и молчал. Но тяжелый попался, проклятый! Четыре быка на подъемах едва тянули...».

Ветеран Великой Отечественной войны П. Терентьев вспоминает: «В феврале 1942 года несколько оленьих упряжек, которые вели Выучейский, Филиппов, Истомина и Чупров, с группой разведчиков 31-й олень-лыжной бригады во главе с сержантом Алексеем Микляевым отправились в немецкий тыл за «языком». Когда группа захвата выполнила свою задачу, и пленный фашист уже лежал связанный на санях, остальные разведчики стали забрасывать вражеские землянки гранатами. Михаил Чупров из пулемета вел огонь по выбегавшим гитлеровцам. На обратном пути разведчики наткнулись на гитлеровскую засаду. В перестрелке был смертельно ранен Михаил Чупров. Товарищи похоронили его на

лесистом островке. Точное место захоронения Михаила Чупрова, Кирилла Семьяшшкина и других моих земляков пока установить не удастся. В октябре 1944 года в боях за Печенгу отличился другой мой земляк – старшина Василий Филиппов. Раненный осколком мины в бок, он был окружен фашистами. Когда враги дотронулись до него, он вырвал чеку из гранаты, запрятанной на груди. Взрыв, оборвавший жизнь героя, разметал схвативших его гитлеровцев» [31].

О том, какое значение имели оленетранспортные подразделения и как сражались оленеводы, можно судить и по воспоминаниям участника тех событий, мурманского ветерана войны С.И. Шерстобитова. Вот что он пишет: «После буранов и снежных заносов накатанные фронтовые дороги становились непроходимыми. И тогда на оленьих упряжках вывозили с переднего края раненых, а туда доставляли технику, боеприпасы, продовольствие. Когда наши самолеты совершали вынужденную посадку, оленеводы разыскивали их, оказывали помощь летчикам, подвозили горючее. Случалось им принимать активное участие и в боевых действиях, брать пленных. Так, в декабре 1941 года саам Иван Пьянков доставил в распоряжение части пленного гитлеровца, которого он поймал обычным пастушьим арканом.» [18].

Бывший сержант Егор Егорович Захаров дополняет своим рассказом историю оленьих отрядов. «... Предложили мне с оленями отправиться. Нас-то обучать можно, да и быстро обучали. А попробуй-ка оленей обучить! Слышал я, что кавалерия воюет. Про Семена Михайловича Буденного в школе рассказывали. Я и про Ворошилова и про Котовского книги читал. Но как оленей обучать? В 10-й Гвардейской дивизии были ветеринарные врачи и зоотехники. Они всю жизнь имели дело с оленями, они и помогли. Кто наловчился на оленях кухни отвозить, кто за санитаров был. Даже несколько девушек-саамок было. Помню, Скобелеву все хвалили. Она оленями управляла. Больше всего я участвовал в боевых походах в тыл врага. Вместе с нами были ненцы, коми, русские. Привезли потом и уральских манси. Они тоже в оленях разбирались. Врывались мы к врагу неожиданно, и сразу же начинался бой. Особенно тяжело было ходить в разведку на оленях, когда стояли большие морозы». [6].

Много интересных подробностей о быте той поры удалось узнать из интервью Юрия Ивановича Корякина. И, хотя он служил связистом в 77-й отдельной морской стрелковой бригаде, но участвовать совместно с оленями в боевых выходах ему случалось. Да и не отличались особенно бытовые условия разных военных формирований (за исключением флота и авиации) друг от друга.

« - Юрий Иванович, что Вы можете сказать об особенностях войны на Севере?

- Линия фронта была стабильна почти два с половиной года, мы даже окопы отрыли, хотя долбить мерзлоту можно было только кайлом или ломом. Фланги же были свободны – озера, болота. Ты видела кино «А зори здесь тихие»? Хорошая картина. Ну, вот, тут такая же местность. Безлюдье. Учитывая оголенность флангов и нашу любовь воевать зимой, как только становились болота и озера, начинались различные поисково-диверсионные операции, за линией фронта. Собиралось два-три взвода, то есть 60 – 90 человек, я с радиостанцией, и мы ходили по немецким тылам. Ходили на лыжах, иногда с нами были олени, которых использовали для перевозки боеприпасов и раненых, собак никогда не брали – они лают, заразы. Причем мы ходили довольно далеко, к самому Рованиеми, и в такие дни, когда никакой немец воевать не будет. Ну, например, Новый год в сорок третьем и сорок четвертом я встречал за линией фронта. Выходили числа 20-го декабря, чтобы к Рождеству быть в глубоком тылу. Какой немец будет в Рождество воевать? А русские будут. Нападали на немецкие гарнизоны или опорные пункты, минировали дороги. Всегда соизмеряли свои силы, поэтому не часто бывали срывы. Разведанные редко бывали достоверными: оказывалось, что опорный пункт совсем не такой простенький, как докладывала разведка, или гарнизон не пятьдесят, а двести человек. Это были очень трудные походы: и холодно, и боязно, и тяжело.

- А что было особенно трудно в таких походах? Как обходились без самых необходимых вещей?

- Попробуй почти три недели прожить на морозе в 20 – 30 градусов! То-то! Хотя мы были довольно хорошо одеты: валенки, стеганые штаны, маскхалат, тулуп, потом телогрейка, гимнастерка, тепловое байковое белье, а под ним еще и обыкновенное полотняное. Водку давали и кормили – 100 граммов хлеба в сутки на человека. Тушенка была американская. Вкусная зараза! Большая банка – в ней свиной жир, который можно было намазывать на хлеб, а в середине – кусок мяса с кулак. В общем, голодными не были... сало, сухари. Даже копилки были, так называемые «жми-дави». Это такая баночка, типа консервной, в которой находился разведенный в спирту стеарин. Если зажечь эту смесь, она горит бесцветным пламенем. Можно было подогреть еду или вскипятить воду. Но чего спирт жечь-то – его пить надо! Поэтому вываливали в тряпочку и отжимали – граммов 50 спиртаполучалось, а поскольку баночек давали несколько, то выпить можно было вполне прилично, хотя и противно, конечно, а оставшийся воск тоже горит.

- Какое оружие с собой брали?

- Из оружия в эти рейды мы брали автоматы и гранаты, иногда один или два Дегтярева. В 1942 году у нас были еще винтовки – это, конечно, бандура неудобная, а потом нам ППШ дали.

- Какой рейд запомнился больше всего?
- Зима 43/44 года мне больше всего запомнилась. Это была наша самая кровопролитная операция. Нас было человек 80 – 90, а потеряли мы 30 – 40, то есть на каждого приходился один раненый или убитый. Тогда же произошел трагический случай. В нашей части служили два родных брата, и во время боя за блиндаж туда прорвался один из братьев, а второй, не заметил этого (ночью же это было) кинул туда гранату и убил его. Он потом так горевал, так горевал ... хотел застрелиться. В то время как раз был приказ Сталина – убитых, а тем более раненых, не оставлять, тащить обратно. Тащили на волокушах – фанерной лодочке с веревочкой. Я тащил раненого матроса. В общем, не тяжело, но это же не один десяток километров, да к тому же у меня рация, автомат, ну, вещмешок я клал ему в ноги ... да и не шоссе – сто раз я его на всяких горках перекувыркивал и опять клал.
- Расскажите, как «языков» брали?
- Много пленных старались не брать: с ними хлопот не оберешься. Желательно, конечно, офицеров, от солдат, как «языка», толку мало. Пленные шли с нами на лыжах и даже тащили раненых. Лыжи у немцев были более удобные. У нас – валенки и мягкие ременные крепления, а у них были «персы», то есть теплые ботинки с загнутым носом, который вдевался под скобу на лыжах. Когда мы приходили, к нам присылали аэросани или олени упряжки, которые увозили пленных на допрос, а раненых – в госпиталь. Усталость была безмерная, чудовищная усталость, чудовищная...
- А как воевали летом?
- Летом все замирало: ни мы, ни немцы не воевали. Скучно было. Многие просились на другие участки фронта, но обычно это ничем не оканчивалось: «Сиди. Тут тоже война. Родина требует быть там, где тебе сказали». Доставали постоянные пожары, так как обе стороны кидали зажигательные бомбы, чтобы спалить леса. Поскольку войны не было, то солдат заставляли что-нибудь делать. В частности, собирали для госпиталей ягоды. Норма – котелок в сутки сдать на кухню. Ну, и обустроивались: лесопилку сделали, землянки отрыли, клуб на двести человек построили. Там выступали артисты и показывали кино. Какие-то соревнования спортивные устраивали. Иногда приезжал магазин, где на те гроши, которые нам платили, можно было купить зубной порошок, одеколон, конверты для писем».

В воспоминаниях ветеранов 31-й ОЛБ я уже встречалась с упоминаниями о том, что за два с лишним года солдаты обустроили свой быт. На месте расположения бригады были построены баня, прачечная, клуб. А свидетельство того, что бойцы получали жалование встречается в письме Николая Маркина, отправленного с фронта 20 сентября 1942 года жене Симе и детям в котором он пишет: « ... посылаю тебе дополнительно к тому, что ты получаешь по аттестату 150 рублей в следующем месяце могу подбросить еще

побольше так как с займом я уже расчитался». (орфография и пунктуация сохранены как в оригинале).

6. ИТОГИ УЧАСТИЯ УНИКАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ЗАПОЛЯРЬЕ

В книге «В огне четырех войн» М. Цунца читаю: «... Сражения на Крайнем Севере в октябре 1944 года являются уникальными в истории Великой Отечественной войны, а если учесть массивность применения войск и современных технических средств, то и вообще в истории войн».

Среди этого многообразия технических средств командующий фронтом генерал армии К.А. Мерецков определил в боевом строю необходимое место и оленьим транспортам.

Военный очеркист А. Золотин в сборнике «Все об армии», знакомя читателей с тем, что такое олений транспорт, приводит основные данные боеспособности в годы Великой Отечественной войны военных оленьих транспортов. Объем выполненных в период с 1941 по 1944 годов работ впечатляет. Цифры говорят сами за себя:

- Вывезено с поля боя раненых и больных - 10 142 человека
- Перевезено военнослужащих по различным заданиям - 7 895 человек
- Перевезено боеприпасов и других грузов - 17 082 тонны
- Вывезено из тайги и гористой тундры аварийных самолетов - 162 штук

Если указанные объемы выразить в тонно-пассажиро-километрах и учесть «качество дороги» и фронтовые условия, то роль оленьих транспортов для боеспособности армии на Крайнем Севере в годы Великой Отечественной войны трудно переоценить.

Анализ действий армейских оленетранспортов на Крайнем Севере говорит об их уникальной боеспособности. Оленеводы ехали по горам и болотам; плыли запряженные олени через реки и озера и морем в десантах – без единого звука; олени не лают, не воют, не ржут, не стонут; олени помогли выстоять и защитить родной край.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значителен вклад в Великую Победу славных защитников Заполярья. Об их подвигах написаны десятки книг. Они дают представление о том, как разворачивались боевые действия на самом северном фланге огромного советско-германского фронта. Книги эти вызывают неизменный интерес у читателей всех возрастов. И все же много важных событий той грозной военной поры по разным причинам до сих пор не отражены в литературе. Такой

нераскрытой страницей в летописи войны в Заполярье представляется мне и боевой путь оленетранспортных батальонов. В монографиях наших краеведов, среди которых в первую очередь книги Алексея Алексеевича Киселева, находятся лишь отдельные упоминания об этих уникальных подразделениях. В залах Мурманского областного краеведческого музея нет экспозиции раскрывающей их славный путь.

Тема истории оленетранспортных батальонов действовавших в годы Великой Отечественной войны в Заполярье многогранна: это и история их формирования, и история боевых операций в которых они принимали участие, и история конкретных людей – ветеранов войны. Эти и другие аспекты я пыталась учесть при изучении литературы, а это: книги, статьи из сборников, журналов, газет, документального и мемуарного характера; писем и личных вещей ветеранов, пришедших в адрес школьного музея боевой славы; документов военных лет. Все это – штрихи нашей истории. К сожалению, многих героев, ветеранов, которые могли бы подробно рассказать эпизоды боев, уже нет в живых. Заметно поредел строй защитников Заполярья в последние годы. Из воинов 31 ОЛБ живы единицы. Тем дороже живое слово ветеранов, тем важнее их письменные свидетельства.

В своих мемуарах командующий Карельским фронтом К.А. Мерецков писал: «... Боевые операции в Заполярье являлись в истории Великой Отечественной войны уникальными, ибо нигде более нам не доводилось обороняться и наступать в такой природной зоне». Уникальным был и транспорт, который использовал советский солдат!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко С. На оленях лучше // На страже Заполярья. 1991, 13 ноября. С.4.
2. Базанов А. Саами защищают Родину.// Это было на крайнем Севере. Мурманск, 1965. С. 84 – 85.
3. Белоусов В. Заполярная кавалерия // Правда Севера. 1984, 9 октября. С. 4.
4. Белоусов В. Отряд особого назначения // На страже Заполярья. 1982, 31 января. С. 4.
5. Белоусов В. Так сражались оленеводы // На страже Заполярья. 1982, 6 марта. С. 4.
6. Воскобойников М. В атаку идут северяне // Звезда. 1975. № 4. С. 98 – 107.
7. Горбунов И. Это было под Лоухами // Ловозерская правда. 1982, 10 июня.
8. Дашинский С. Северная кавалерия // На страже Заполярья. 1988, 3 марта. С. 4.
9. Дашинский С. Упряжки мчались к передовой // Северные просторы. 1985. № 3. С. 30
10. Дранишников В., Жданов В. Саамы на фронте.// Этих дней не смолкнет слава. Мурманск, 1995. С. 46 – 50.
11. Журин Л. В бой на лыжах и оленьих упряжках // Мурманский вестник. 1997, 24 октября.

12. Зайцев И. Оленеводы в боях за Родину // Печенга. 1994, 18 октября.
13. Зайцев И. Оленетранспортные подразделения // Наука и жизнь. 1995. № 4. С. 43 – 44.
14. Ивановский Е. Ловозерские саамы на войне // На страже Заполярья. 1989, 7 мая. С. 6.
15. Из дневника заместителя командира полка по политчасти майора Хрусталева. // Это было на крайнем Севере. Мурманск, 1965. С. 396 – 398
16. Канев В. И на войне с оленем // Полярная правда. 1984, 19 октября. С. 3.
17. Киселев А.А. Война в Заполярье. Мурманск, 1995. 221 с.
18. Киселев А.А. Как жили и сражались мурманчане в войну: менталитет Северян в 1941 – 1945 г. Мурманск, 2002.
19. Кузнецов Е. Батальоны идут сквозь пургу // Человек и Север. 2002. № 2(3). С. 34-37.
20. Кузнецова А. На фронт с оленем // Ловозерская правда. 1999, 5 ноября. С. 3, 5.
21. Михняк Т. На упряжке – через Мурман // Ловозерская правда. 1994, 23 мая. С. 1.
22. Мурманская область в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945. Сборник документов и материалов. Мурманск, 1978. 333 с.
23. Орешета М. Скорая помощь на оленях // Мурманский вестник. 1994, 23 апреля. С. 5.
24. Орлов И. ...И был олень помощником на фронте // Пограничник. 1992, 29 июля.
25. Павозков А. Рейд корпуса полковника Соловьева. // Это было на крайнем Севере. Мурманск, 1965. С. 208 – 214
26. Румянцев К. Среди полярных скал // Северный рабочий. 1986, 21 июня. С. 3.
27. Румянцев Н. Применение оленьего транспорта в 14 армии Карельского фронта // Военно-исторический журнал. 1972. № 11.
28. Серов В. Заполярная кавалерия // На страже Заполярья. 1984, 9 октября.
29. 40 лет народному подвигу / Под ред. А.И. Краснобаева, Ю.В. Соколова. Мурманск, 1985. 101 с.
30. Степанов В. Солдаты на оленьих упряжках // На страже Заполярья. 1987, 11 ноября. С.4.
31. Терентьев П. Так сражались оленеводы // Полярная Правда. 1980, 14 ноября. С. 3.
32. Халдей Е. От Мурманска до Берлина. Мурманск, 1984.
33. Ховзун А. Оленетранспортные батальоны // Полярная правда. 2000, 23 июня. С. 3.
34. Чупров К. Фронтной транспорт // Ловозерская правда. 1990, 8 мая. С. 1.
35. Шерстобитов С. На фронте – олений транспорт. // В боях за Советское Заполярье. Мурманск, 1982. С. 124 – 129.
36. Шерстобитов С. Оленеводы в морском десанте // На страже Заполярья. 1990, 17 мая. С. 4.
37. Шерстобитов С. «Не видит, не слышит его враг...» // Полярная правда. 1998, 20 июня. С. 3
38. Письма и фотографии ветеранов 31 ООЛБ.